

ОТЕЦ

В начале века и позже приезжавшие в Ялту на лечение, отдых или работу писатели, поэты, артисты, художники, ученые считали своим долгом посетить некоторые известные «дома», как тогда выражались. В Ялте такими «домами» являлись дома Чехова, Средин, Елпатьевского, Синани. Западнее Ялты — дом Токмаковой в Олейсе, Водовозовых — в северо-восточном районе Алупки и ниже, у моря, — дом моего отца.

Отец мой Николай Петрович Дурач — один из первых отечественных виноделов, замечавших иностранных специалистов, был воспитанником училища Никитского ботанического сада. В нашей гостинице по

воскресеньям всегда толпилось много народу: о чем-то спорили, читали стихи, пели. Здесь в разное время побывали И. Бунин и А. Куприн, И. Мясоедов и С. Меркуров, А. Нежданова и И. Козловский, И. Дунаевский и Л. Утесов, В. Маяковский, К. Чуковский, П. Павленко и многие другие.

Когда к нам заглядывали «политические», гостившие у Водовозовых, для поправления здоровья после отбытия ссылки, мама моя всегда отправляла меня на наш огород с каким-либо поручением. Однажды, в 20-м году, при белых, у нас в квартире был обыск. Я как раз разбирала и приводила в порядок свои игрушки. Отец сунул под меня сверток с чем-то твердым. «Сиди и не рыпайся», — сказала еле слышно. Так и промучилась я часа два, ер-

Ирина Николаевна Дурач, жительница Алупки, многие годы вела своеобразную летопись дома, в котором жила. Этот дом находится рядом с Алупкинским парком, у обширной плантации виноградника, на склоне, доходящем до самого берега. Теперь здесь открыт дегустационный зал, а на месте виноградников строится новая здравница.

Некоторые из записей-воспоминаний И. Н. Дурач уже публиковались в газете «Советский Крым». Предлагаем читателям фрагменты новых записей.

зая, наверное, на «нелегальной» литературе.

Цепкая детская память сохранила многие десятки других эпизодов. Вот слышу, как поет отец. Он обладал хорошим слухом и музыкальной памятью. И хотя был безголосым, наизусть пел арии из опер и оперетт. На этой почве еще в молодости подружился с И. С. Козловским.

У Ивана Семеновича была привычка в приезды к нам заплывать с отцом далеко в море и там петь. Мама моя сказала как-то при мне одной нашей знакомой: «Вот опять ушел (это про отца) с Козловским на море. Заплывут там за три версты от берега и поют, а мне беспокоиться за них!»

Отец дружил и с обитателями Симеизской обсерватории, часто бывал там. Один раз он взял и меня с собой. Кажется, это было в 1924 году, в год противостояния Марса. Профессор Г. Н. Неуймин «угощал» нас экзотическим видом в телескоп Луну и Марс. Красная планета выглядела, как прелестный елочный шарик, переливчато-розовый с белой шапочкой на полюсе.

Пролетали годы, прошумела война, теперь мало кто остался из знакомых людей в живых. Только Иван Семенович Козловский считал своим долгом в приезды на Южный берег Крыма раз в году посетить в память многолетней дружбы «дом у моря». А под новый 1984 год прислал мне свою долгоиграющую пластинку «Из сокровищ мирового исполнительского искусства» с надписью: «Добром помню Вас, Вашу семью»...

ПАМЯТЬ

ДОМ У МОРЯ

ДЯДЯ МИША

«Ты что, оглохла? — крикнула мне мама с балкона второго этажа. — Папа тебя уже второй раз зовет!» А я действительно «оглохла». Дело в том, что накануне я принесла с виноградника и посадила на нашу грядку с капустой двух богомоллов. Вприпрыжку влетела я к отцу в кабинет и тут же «присела» — у отца были гости. Один из них — Петр Васильевич Изергин. Это мой доктор. Он лечил мне руку после перелома. И еще неизвестный в военной форме. Петр Васильевич, как обычно, принялся вертеть мою больную руку и так, и сяк, а потом, взяв меня за плечи и повернув лицом к незнакомому военному, сказал: «Познакомься с этим дядей. Его зовут Михаил Васильевич». Как потом я узнала, это был Михаил Васильевич Фрунзе. Я еще раз «присела». Михаил Васильевич посадил меня рядом. «Зови меня дядей Мишей», — сказал он и, улыбаясь, стал рассказывать, что у него в семье растет маленькая девочка. Зовут ее Танечкой, Танюшей. Худенькая только!.. Доктор вот (он кивнул на Петра Васильевича) советует попить ей козьего молока. Не подлишься ли ты с Танечкой молочком твоей козочки?»

Года два тому назад я выпросила у отца в подарок маленькую козочку Милочку. Папа согласился, но с условием, что я полностью беру на себя уход, кормление и заготовку сена на зиму. Я строго соблюдала условия, и коза считалась моей. «Конечно, поделюсь! —

воскликнула я. — Моя Милочка дает много молока. Я вас сейчас угощу». Вскоре я принесла два стакана парного молока, как раз было время дойки. Фрунзе и Изергин пили и хвалили, а я была горда за Милочку, за то, что молоко понравилось.

На другой день за молоком пришла жена Михаила Васильевича. В первый день знакомства с ней мама сказала: «Какая приятная, милая женщина», а папа добавил: «Очаровательная!».

С Михаилом Васильевичем Фрунзе отец подружился, когда М. В. Фрунзе приезжал лечиться в алупкинский санаторий № 3, заходил и к нам. Они с отцом усаживались на скамеечке в нашем садике, долго беседовали.

Отец очень переживал, узнав о трагической кончине М. В. Фрунзе в 1925 году. Он волновался и за семью его. Дети Тимур и Танюша были еще маленькими, а мать их тяжело болела. Но когда отец узнал, что детей взял к себе в семью известный государственный деятель, он сказал, что теперь за их судьбу спокоен. С тех пор прошло много лет. Тимур — Тимур Михайлович Фрунзе, Герой Советского Союза, погиб в бою под Ленинградом в 1942

году. Танюша — Татьяна Михайловна живет в Москве. Она научный работник, доктор химических наук, сотрудник Института элементарных соединений АН СССР. Моя двоюродная сестра Ирина Семеновна иногда встречается с ней.

ЧАЕПИТИЕ У НЕЖДАНОВОЙ

Чем ближе человек к так называемому «среднестатистическому» возрастному рубежу, тем чаще он оглядывается на пройденный жизненный путь, и тем ярче всплывают воспоминания детства, юности.

Так и со мною. Вот сейчас я все так ясно вижу, как наяву... Иду по Москве, Москве конца 1927 года. Декабрь, воскресенье, морозец, тихо, светит солнце. Вот свернула с Петровки в Столешников переулок. Здесь на углу стоит церквушка. Напротив нее расположился «Ось Тарас з Києва» — магазинчик, где продают различные маковники и вертуты с маком, толщина мака в два пальца. Вкуснятина невероятная!

Дальше иду вверх по Столешникову. Направо — булочная. В ней прямо на глазах у покупателей месят тесто, расфасовывают, суют тут же в пылающую печь... И вот вам уже подают горячие, румяные булочки! А я иду все дальше, выхожу на Тверскую улицу. Теперь — улица Горького.

В этот момент из бывшего магазина Елисеева вышла моя родная тетюшка Тина, к которой я и шла в гости. Она вся

была увешана свертками с покупками, и очень обрадовалась, увидев меня.

— Как хорошо, — сказала она, — что я тебя встретила. — Помоги эти покупки доставить Антонине Васильевне.

В те годы А. В. Нежданова часто концертировала с мужем моей тетки — музыкантом.

И вот мы уже сидим у Неждановой и пьем горячий чай с вкусными домашними крендельками. Узнав, что я недавно из Крыма, Антонина Васильевна спросила меня, как мне понравилась Москва, «Москва — это скопище людей, лошадей и галок», — заявила я к всеобщему удивлению. Посмеялись, разговорились. Я рассказала, что недавно была в Большом театре на «Царе Салтане». Меня очень удивило, как это совсем маленький мальчик изображает «шмеля». Ведь ему, наверное, было очень страшно выступать на такой большой сцене? «Мне кажется, — сказала я, — первые выступления в театре должны запомниться на всю жизнь. Не правда ли?».

Антонина Васильевна со мною согласилась и в свою очередь рассказала о случае во время исполнения ею в первый раз роли Джульетты. «Выступая в первый раз, да и в последующие, я сильно волновалась. Теперь мысленно представьте себе: вот стоим мы с Собиновым-Ромео на балконе, чувствуя, что все идет хорошо, как надо. Я — Джульетта, такая юная, любящая. И вдруг Собинов, повернувшись к публике боком, говорит мне отчетливо: — Нежданчик, Нежданчик, я сейчас провалюсь! Понимаете теперь мое состояние?! Но я не сбилась, собрала все свое мужество и довела партию до конца. С последним звуком оркестра сейчас же дали занавес, и нас срочно сняли с подозрительно трещащего балкона». Вот в чем оказался предполагаемый провал.

И. ДУРАЧ.

На снимке: А. В. Нежданова [из архива автора].